

ПАВЕЛ СМОЛИН

ФЮЗЕЛЯЖ ДЕРЖИТСЯ

2

Павел Смолин

Фюзеляж держится 2

<https://litres.ru/73999079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майор Карпухин погиб в небе — и очнулся в тесной кабине И-16.

Июнь 1941 года. Другой мир, другая война, другой самолет.

Никаких ракет «воздух-воздух».

Никаких радаров. Только ревущий двигатель, два пулемета, фанера, металл — и немецкие асы в небе.

Для окружающих он молодой советский летчик, которому просто повезло выжить. Но Карпухин слишком хорошо знает, что ждет страну впереди. Знает цену ошибок. И знает, как страшно горит подбитый самолет, когда фюзеляж уже едва держится.

Вот только изменить ход войны — мало.

Нужно самому выжить в сорок первом.

И каждый новый вылет может стать последним.

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Павел Смолин

Фюзеляж держится 2

Глава 1

Глава 1. Первый боевой

Мирошник начал в пять утра.

Я слышал его — сквозь брезент землянки, сквозь сон. Металлический звук, потом другой металлический звук, потом голос — негромко, себе под нос. Выругался один раз и замолчал.

Ноябрь. Темно в пять утра, и холодно — не летний холод, настоящий, который сразу берёт в лёгкие. Я оделся, вышел.

Мирошник стоял у ЛаГГа с паяльной лампой.

— Греешь?

— Маслосистему. — Он не обернулся. — М-105П на морозе не любит. Масло густеет, давление падает, запуск плохой.

— Сколько времени?

— Сорок минут минимум. — Он чуть повёл лампой, прогревая снизу. — Потом ещё двигатель прогреть перед взлётом. Раньше часа не поднимитесь.

Я смотрел как он работает. Руки в рукавицах, но точные — знал куда светить, сколько держать. Не торопился.

— Зимой хуже будет?

— Зимой буду вставать в четыре.

Вот и весь разговор о зиме.

Я пошёл за кофе.

Жогин собрал нас в семь.

Карта на ящике, восемь человек вокруг. Снаружи ещё темно — ноябрьский рассвет поздний, серый. В землянке горела керосинка, пахло дымом и сырым сукном.

— Прикрытие переправы, — сказал Жогин. — Дорога вдоль реки, участок восемь километров. Два часа. Данные о немецких истребителях — есть, не точные. Значит могут быть.

— Сколько машин? — спросил Чуб.

— Четыре пары. — Жогин показал на карте. — Ковров-Свиридов — левый фланг. Я с Орловым — центр. Чуб и Лыков — правый. Четвёртая пара — прикрытие сзади.

— Высота?

— Тысяча двести. Видимость нужна, облачность низкая.

Помолчали.

— На ЛаГГе первый боевой, — сказал Чуб. — Не страшно?

— Страшно, — сказал я.

Чуб засмеялся. Жогин не засмеялся.

— Разойтись, — сказал он.

Свиридов ждал у машин.

Стоял рядом со своим ЛаГГом — руки в карманах, смотрел на кабину. Мирошник уже закончил с лампой, перешёл к следующей машине.

— Нормально? — спросил я Свиридова.

— Нормально.

— Руки?

Он вытащил руки из карманов, показал. Не дрожат.

— Хорошо.

Мирошник подошёл — осмотрел мою машину последний раз. Постучал по борту у кабины, проверил что-то на хвосте. Потом встал рядом.

— Масло прогрел, — сказал он. — Запуск должен быть нормальный. Если на прогреве стрелка температуры не идёт вверх — не взлетайте.

— Понял.

— И ещё. — Он помолчал. — Машина на вираже тяжёлая. Не крутите карусель.

— Не буду.

— Я не про вас. — Он посмотрел на Свиридова.

Свиридов кивнул.

— Понял, — сказал он. — Не крутить карусель.

Мирошник ушёл к следующей машине. Свиридов смотрел ему вслед.

— Он беспокоится, — сказал он.

— О машинах.

— О нас тоже.

— Да.

Запуск вышел нормальный.

М-105П схватился с третьего оборота — не с одного как бывало летом, но нормально. Прогрев — температурная стрелка шла правильно. Я следил три минуты. Потом дал сигнал Мирошнику: готов.

Он кивнул и отошёл.

Выруливал за Жогиним. Свиридов — следом за мной. Четыре машины на полосу, потом следующие четыре. Восемь ЛаГГов один за одним.

Разбег.

Дольше чем на И-16. Это я знал уже — знал и всё равно каждый раз отмечал: долго, долго, ещё долго, вот теперь. Колёса оторвались на скорости двести десять — на тридцать километров больше чем на И-16.

Шасси убрал позже.

Набор высоты — медленный. М-105П тяжелее поднимал эту машину чем М-63 поднимал И-16. Зато стабильнее — не рыскал, не требовал постоянной работы педалями.

Свиридов шёл сзади — семьдесят метров, ровно.

К тысяче двумстам вышли через двенадцать минут. На

И-16 — восемь бы хватило.

Разница есть.

Под крылом — ноябрьская степь.

Серая, плоская, кое-где снег по низинам. Река — тёмная, широкая. По дороге вдоль неё шла колонна: грузовики, повозки, люди пешком. Далеко внизу, маленькие.

Два часа прикрытия.

Первый час прошёл тихо — никаких немцев. Жогин вёл нас туда-обратно над дорогой, методично. Я следил за небом: сзади, снизу, по секторам. Свиридов молчал — правильно делал.

На втором часу появились.

— Одиннадцать часов, выше, — сказал Жогин.

Я посмотрел.

Vf-109F — двое, на тысяче восьмистах метров. Шли параллельным курсом, смотрели на нас. Ждали.

— Ковров, — сказал Жогин.

— Вижу.

— Левый твой.

— Есть.

Два против двух — Жогин берёт правого, я берём левого. Четыре наши машины прикрывают переправу, мы работаем с немцами.

Немцы начали снижаться — медленно, примеривались.

Опытные.

Я думал быстро.

На И-16 я бы пошёл навстречу, на виражах — там И-16 маневреннее. На ЛаГГе карусель — плохая идея. На виражах ЛаГГ медленный, тяжёлый. Немец уйдёт.

Но на пикировании — другой разговор.

Я начал набор высоты — не навстречу, в сторону, по дуге. Левый немец это заметил, перестроился. Его партнёр пошёл на Жогина.

Двести метров выше их. Потом ещё сто.

Солнце было за облаками — никакого захода из-за солнца. Ладно.

Немец набирал, пытаюсь сравняться по высоте. Не даю — иду вверх быстрее. ЛаГГ набирает хуже И-16, но лучше чем думают о нём.

Восемьсот метров разница.

Теперь.

Я убрал газ — почти, не полностью — и лёг в пикирование. Угол сорок градусов. Скорость начала нарастать быстро — ЛаГГ на пикировании хорош, стабилен, не рыскает. Четыреста. Четыреста пятьдесят.

Немец меня видел — развернулся навстречу, набирал скорость.

Мы сближались на встречных курсах. Его расчёт: уйти вниз под меня, я не смогу развернуться в пикировании достаточно быстро.

Правильный расчёт. Для другой машины.

Я не стал разворачиваться — я нажал на гашетку.

Очередь сверху вниз, в лоб — коротко, три секунды. Расчёт упреждения другой чем на И-16: пушка двадцать миллиметров, одна, темп медленнее. Но снаряды тяжелее.

Немец ушёл влево — не попал. Промазал.

Но он уходил теперь, а не я.

Я вышел из пикирования, потянул вверх. ЛаГГ послушался — медленнее чем хотелось бы, но послушался. Набрал пятьсот метров.

Немец разворачивался — широкий разворот, восстанавливал позицию.

Свиридов держался сзади — я проверил. Семьдесят метров, молчит. Хорошо.

Второй заход.

На этот раз немец шёл иначе — не в лоб, сбоку, пытался занять позицию для атаки сзади. Стандартно. Я крутанул навстречу — не вираж, полу-вираж с потерей высоты. ЛаГГ тяжело, но прошёл.

Немец промазал снова. Ушёл вверх.

— Гречко, — начал я по рации — и остановился.

Не Гречко. Свиридов.

— Свиридов. Правый сектор. Смотри.

— Смотрю. Чисто.

— Хорошо.

Третий заход. Немец заходил сверху — правильная пози-

ция, у него теперь высота. Я не стал уходить скольжением. Полный газ вниз, пикирование — не под него, а от него. Разрываю дистанцию.

Скорость нарастала: пятьсот, пятьсот двадцать. ЛаГГ стабилен, руки держат нормально.

Немец пошёл следом — у него скорость выше на горизонтале, но в пикировании разница меньше.

Восемьсот метров. Семьсот.

На шестистах я выровнял резко — перегрузка, в глазах потемнело на секунду. ЛаГГ выдержал. Я выдержал. Сразу вверх, полный газ.

Немец проскочил мимо — слишком высокая скорость, слишком поздно понял.

Я оказался сзади и выше.

Его.

Очередь — прицельная, спокойная. Двести метров, снизу-сзади. Пушка ударила тяжело — не трескотня ШКАСа, другой звук, весомый. Попадание в правое крыло, потом в фюзеляж.

Немец задымил.

Не загорелся — задымил. Начал снижение, неровное, с покачиванием. Мотор, похоже, ранен — тянул с трудом.

Я не преследовал. Посмотрел три секунды.

— Свиридов, где ты?

— Сзади, семьдесят метров.

— Второй немец?

— Жогин его держит. Уходит.

— Хорошо. Возвращаемся на позицию.

Переправа работала.

Мы шли над дорогой ещё полчаса — до конца задания. Немцы не возвращались. Колонна внизу двигалась — медленно, но двигалась.

Жогин дал сигнал на возвращение.

Летели молча. Я думал про бой — разбирал как разбирают после полёта. Что сделал правильно: не полез в карусель, использовал пикирование. Что можно было лучше: первая очередь — промазал, расчёт упреждения надо точнее, пушка медленнее пулемёта, это надо учитывать.

ЛаГГ вёл себя предсказуемо. Именно так как я думал о нём.

Тяжёлый, инертный — но прочный и стабильный на пикировании. Не надо с ним воевать как с И-16. Надо воевать как с ЛаГГом.

Свиридов держал семьдесят метров.

— Свиридов.

— М.

— Нормально?

— Нормально.

— Что думаешь про машину?

Он помолчал.

— Тяжёлая.

— Да.

— Но выдержала.

— Да.

— Значит нормально.

Мне нравилось как он думал. Коротко, по существу.

Мирошник ждал у полосы.

Осмотрел машину — быстро, привычно. Я уже знал его осмотр наизусть: сначала крылья, потом хвост, потом подфюзеляж, потом шасси. Если что-то находил — останавливался на несколько секунд дольше. Если нет — шёл к кабине.

Постучал по обшивке у правого крыла — там где я делал первое пикирование. Потом по борту.

— Попаданий нет, — сказал он.

— Нет.

— Хорошо. — Посмотрел на меня. — Как машина?

— Нормально. На пикировании хорошо держит.

— Держит, — кивнул он. — Это я и говорил.

— Говорил.

Свиридов подошёл сзади — Мирошник переключился на его машину. Тот же осмотр, та же последовательность.

— Попаданий нет, — сказал Мирошник Свиридову.

— Знаю.

— Откуда знаешь?

— Ковров учил — если в существенное попали, сразу почувствуешь. Не почувствовал.

Мирошник смотрел на него секунду.

— Правильно учил, — сказал он.

Это был конец разговора — для Мирошника так выглядела похвала. Он уже шёл к следующей машине.

Разбор был после обеда.

Жогин собрал нас у командирской землянки — холодно, стояли в куртках. Разбирал коротко, по минутам.

Правый немец — Жогин его держал долго, тот ушёл вверх. Не сбит. Жогин отметил это сухо, без эмоций: позиция хорошая, атака правильная, просто ушёл на скорости.

Левый — мой.

— Ковров. Тактика нестандартная.

— Так точно.

— Объясни.

— ЛаГГ на вираже тяжёлый. В карусели с Vf-109F — проигрываем. На пикировании — стабильный, скорость нарастает хорошо. Заход сверху, атака с пикирования.

— Не бил в лоб.

— Нет. На встречных курсах — мало времени на прицеливание. Лучше занять позицию выше и работать с превышения.

Жогин молчал.

— Попал?

— Правое крыло и фюзеляж. Задымил, уходил с повреждениями. Не сбил.

— Почему не преследовал?

— Свиридов без прикрытия оставался бы. Плюс — задача была переправа, не немцы.

Жогин кивнул. Медленно.

— Хорошо, — сказал он.

Это была похвала. От Жогина — редкость.

— Ещё, — добавил он. — Эта тактика работает на ЛаГГе. Но не на И-16. Учитывайте.

Посмотрел на остальных — давая понять что это не только Коврову.

— Разойтись.

Вечером Мирошник сидел у машины.

Не работал — просто сидел. Ящик у борта, руки на коленях. Смотрел на ЛаГГ.

Я подошёл, сел рядом.

Молчали несколько минут.

— Мирошник.

— М.

— Что думаешь?

— О чём.

— О машине.

Он не ответил сразу. Долго смотрел на борт — там где краска чуть облупилась у заклёпок.

— Другая, — сказал он. — М-105П другой конструкции, другой уход нужен. Система охлаждения водяная — зимой проблемы. — Помолчал. — Но прочная. Вон — у И-16 после первого боя всегда что-нибудь находишь. Здесь нашёл только что масло чуть подтекает у сальника. Несущественно.

— Значит?

— Значит другой характер. — Он наконец повернулся. — Не хуже. Другой.

— Это ты мне уже говорил.

— Потому что это правда.

Помолчали ещё.

— Мирошник.

— М.

— Сколько тебе нужно времени чтобы узнать машину хорошо?

Он думал.

— На И-16 — три месяца ушло. До того что знаю каждый болт. — Помолчал. — Здесь — столько же. Может меньше. Я старше стал — быстрее понимаю.

— Это как?

— Ты видел много машин — начинаешь понимать принцип, а не детали. Принцип у всех похожий.

Я думал что это правда и для лётчиков тоже. Видел много самолётов — начинаешь понимать не конкретную машину,

а логику машины вообще.

— Мирошник.

— М.

— Спасибо.

— За что.

— За утро. За лампу.

Он посмотрел на меня.

— Это работа, — сказал он.

— Знаю. Всё равно.

Он кивнул — коротко, принял. Встал, отряхнул комбинезон.

— Завтра ещё раньше встану, — сказал он. — Подберу время прогрева точнее.

Ушёл.

Я остался сидеть у машины. Смотрел на ЛаГГ.

Другая машина. Не та что была — тяжелее, инертнее, нелюбимая всеми. Но выдержала сегодня. Не подвела.

Может, дело не в машине.

В землянке было шумно.

Чуб рассказывал историю — как в прошлом году, ещё до войны, в Полтаве сломался трамвай прямо посередине улицы и водитель пытался починить его сам. Три часа просто-ял. Собрал очередь из пассажиров. Один пассажир оказался инженером — починил за двадцать минут.

— И что? — спросил Орлов.

— И всё. Уехал трамвай.

— Смешно?

— Не смешно, — согласился Чуб. — Но трамвай уехал.

Это главное.

Лыков играл на баяне — тихо, что-то без названия. Свиридов сидел у входа, чистил сапог.

Мальцев в углу писал.

Всё как обычно. Будто не первый боевой на новой машине сегодня — просто вечер.

Может это и есть нормально. Один день прошёл. Потом другой. Война не замечает что у тебя сегодня первый раз на новой машине.

— Ковров, — сказал Чуб.

— М.

— Нормально слетал?

— Нормально.

— Машина как?

— Другая.

— Лучше или хуже?

— Другая, — повторил я.

Чуб подумал.

— Ладно, — сказал он. — Это тоже ответ.

Лыков переключился на «Катюшу» — тихо, вполголоса.

Никто не подпевал, просто слушали.

Хороший был вечер. Тихий.

Завтра — снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.